

РОМАН ПОКОЛЕНИЯ

АЛИСА
ГАНИЕВА

ЖЕНИХ
И НЕВЕСТА

РОМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА
ШУБИНОЙ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г19

Художник *Виктория Лебедева*

Фото автора на переплете *Екатерина Мусаткина*

Ганиева, Алиса Аркадьевна.

Г19 **Жених и невеста** : роман / Алиса Ганиева. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 318, [2] с. — (Роман поколения).

ISBN 978-5-17-110803-8

Алиса Ганиева — прозаик, эссеист, автор повести «Салам тебе, Далгат!» (премия «Дебют»), романов «Праздничная гора» (шорт-лист премии «Ясная Поляна») и «Оскорбленные чувства»; лауреат молодежной премии «Триумф».

Роман «Жених и невеста» был удостоен второго приза премии «Русский Букер».

Свадьба на Кавказе — дело ответственное, самое важное. «Почему тебе уже 25, а ты еще не замужем?» — пристают к героине советчики. «Найдешь невесту к заданной дате, зал уже забронирован» — наказывают герою обеспокоенные родители. Но когда в дело вмешиваются гадалки и узники, сплетницы и любопытные, фанатики и атеисты, реальность совершенно мешается с суеверием, поэзия жизни с прозой, а женихи с невестами.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ганиева А.А., 2018.

ISBN 978-5-17-110803-8

© ООО «Издательство АСТ», 2018.

1

Бутыль незнакомца

Когда мы, промокшие, вбежали в полупустой вагон и плюхнулись на ободранную скамейку, Артур не переставая смеялся:

— Вы сумасшедшие! Политсобрание в двадцать первом веке!

В окна электрички тарабанил дождь. Мы ехали на дачу к каким-то богемным друзьям Марины, с которой я работала в подвале московского суда, подшивая и переписывая бумаги. Платили нам крохи. Писанина сводила пальцы до боли, ладони пачкались въедливыми чернилами. Но мы почему-то считали эту бессмысленную пытку какой-никакой, а практикой.

Артур, Маринин приятель, с удовольствием слушал про наши судебные нравы. Он уже куражился, хотя вроде и не выпил. Хохотал, переспрашивал, в запале хлопал себя по ляжкам.

— Бомба, это бомба!

— Да, Артурчик, это не фантастика, — кокетливо поддакивала Марина. — Начиная с этой недели, мы приходим на полчаса раньше, чтобы всем коллективом на планёрке обсудить мировые новости. Крепче сплотиться против врага.

— Какого врага?

— Опасного врага, ощерившего гнилую пасть, — чеканила Марина, — который мечтает разбить наши скрепы.

— Духовные скрепы?

— Разумеется, духовные, Артурчик.

Двери, ведущие в тамбур, со скрипом раздвинулись, и вошёл довольно неотёсанной наружности человек с аккордеоном, в резиновых сапогах. Он играл что-то плаксивое, мелодия казалась знакомой, и я чуть было не наклонилась к Марине за подсказкой. Но, устыдившись своего невежества, вильнула ногой и раздумала.

— А вы, Патя, давно в Москве? — обратился ко мне Артурчик сквозь звуки аккордеона.

— Год! — закричала я ему в ухо, перегибаясь через Марину. — Мне старший брат предложил попробовать поработать в Москве.

Я, правда, не стала уточнять, что, собственно, на год меня и приглашали, и вот он уже истёк, и мне, по всей видимости, придётся возвращаться домой в свой посёлок.

Так и не угаданная мною мелодия уплывала от нас по проходу в соседний вагон, за стёклами мчался, подпрыгивая в брызгах дождя и не желая нас отпускать, июньский город. Было довольно прохладно для лета. Марина куталась в кофту и зачем-то разъясняла Артуру:

— Учти, твою самбуку Патя пить не будет. Она непьющая. У них же в стране это... мусульманство. Правда, Патя?

Марина никак не могла выучить, что я вообще-то не иностранка и пить себе не запрещаю. Но я решила не перебивать.

— И приставать к ней тоже нельзя, — продолжала Марина, — а не то от неё женихи откажутся.

— У тебя что, много женихов? — заёрзал от восторга Артур.

— Да нет у меня никаких женихов! — возмутилась я.

Марина, конечно, имела в виду тех нескольких недотёп, с которыми я таскалась на свидания. Один набрёл на меня в сетевой группе и стал сыпать цитатами из книг по достижению успеха и популярной психологии. Строил из себя опытного мыслителя. Разузнав, что зазнайка из моих родных краёв, я оживилась и согласилась из любопытства встретиться.

О, какая же это была ошибка! Кавалер оказался высоким, но большеголовым, с неприятно мелкими глазками. Я подумала было бежать прямо с места встречи, но он приметил меня издали и замахал свёрнутым в трубочку журналом «Деньги». Видно, угадал по фотографии.

— Чем промышляешь? — задал он сразу довольно странный вопрос.

— Ничем. Я ведь не промышленник, — выдавила я, раздражаясь.

Мы уже двинулись по улице и прошли несколько шагов, прежде чем он отреагировал:

— Как сказал Гилберт Честертон, человек, который хотя бы отчасти не юморист, — лишь отчасти человек.

Мне стало смешно, что он снова блеснул цитатой. Как будто он целыми днями заучивал их из толстого сборника.

— Читаешь «Деньги»? — кивнула я на журнал, чтобы что-то сказать.

— Нет, я их делаю, — ухмыльнулся он назидательно, явно любуясь своей остротой.

И тут же, как будто опровергая самого себя, остановился у самого дешёвого, набитого народом фастфуда:

— Приглашаю!

Дальше были мучительные сорок минут в очереди на кассу, а потом ещё за общим столиком с подростками-скейтбордистами. Большоголовый продолжал душить меня афоризмами, позыркивать своими черничинками и скрипеть картонным стаканчиком кофе по рассыпанному на столике сахарному песку. Он твердил, будто в его родном селе девушки так мучительно хотят за него замуж, что без конца плетут ахинею о том, как он им якобы названивает. Вздурожненные родители девушек потом прибегают к его домашним и жалуются: мол, ваш молодец вконец замучил наших дочек звонками, так пускай теперь женится. Но большоголовый тот ещё воробей, так просто в ковш не залезет. Да, иногда он и вправду по слабости даёт девушкам повод надеяться, но, как сказал Уинстон Черчилль, дурак тот, кто ни разу не ошибался...

Под конец он сделал царственный жест: заявил всё так же покровительственно, что мы сейчас немедленно отправимся в торговый центр выбирать ему брюки. Как будто приобщал к святыне. Я вскочила и забормотала, что никуда не пойду и вообще страшно спешу на рабочую встречу. Хотя какая у меня могла быть рабочая встреча? И сбежала не оборачиваясь. Он потом звонил, писал: «Как тебе я?», потом, не дождав-шись: «Ты очень странная. У тебя поистине жуткий характер», потом: «Как жизнь, деловая?» — и окончательно выдохся.

Не успела я отойти от этого дурацкого эпизода, как меня вызвал брат, у которого я живу. Объявил, что его начальник на химическом предприятии, наш земляк, собрался меня знакомить со своим то ли внуком, то ли племянником. Это было странно, но я, конечно, не возражала.

Меня забрали вечером у суда. За рулём был шофёр, а сам начальник брата расположился вместе со мной на заднем сиденье. Это был бод-рый пожилой мужчина, на вид лет шестидесяти, но на деле разменявший уже восьмой десяток. Сканировал меня хитрющими глазами, выпра-шивал про мою работу, а потом с упоением, то и дело хихикая про себя, зажурчал о своей. Мож-

но было подумать, что он не отделом химического предприятия заведует, а волшебным лесом с единорогами.

Уже в ресторане, угощая меня царскими блюдами (запечённый под сырной шапкой язык, сваренная с коньяком взбитая телятина, осётр в лаваше и так далее и тому подобное), дед вдруг разоткровенничался:

— Я за все свои восемьдесят три года ни разу не был влюблён.

Я поразились:

— Ни разу? Но у вас жена, внуки!

— Ну и что, — лукаво прищурился он, — я женился только потому, что мама, упрасывая меня завести семью, начала снимать платок. Вы сами понимаете, позор для горца, если мать при нём разматывает платок. — Я понимала плохо, но он продолжал: — Смирился. Женился. И сколько же моей жене пришлось вытерпеть! Да я и до неё гулял.

И он поведал, как, будучи молодым, участвовал в качестве лётчика-истребителя в одном международном конфликте между арабами и евреями. Советы к этой операции официально отношения не имели и, чтобы хоть как-то замаскировать своё вмешательство, мобилизовали лёт-

чиков из национальных республик. Именно для того, чтобы те переговаривались по рациям на своих языках, а чужая разведка принимала их за арабов.

— Как же вы друг друга понимали? — удивлялась я этой провальной затее. — Вряд ли кто-то ещё из лётчиков знал, например, ваш лакский. А если вы все говорили по-русски, то в чём смысл маскировки?

Но старик меня не слышал, он упивался воспоминаниями. На их военной базе в столовой работала некая Маша, писаная русская красавица. У Маши был жених из местных, но ей хватило одного-единственного вальса с моим стариком, тогда ещё бравым лётчиком, чтобы забыть жениха напрочь. Она ходила за ним по пятам, отравляя своей красотой, но он не сдавался.

— Перед самой моей демобилизацией, в последнюю ночь, Маша пришла ко мне и пролежала... сейчас я могу спокойно об этом говорить... пролежала на моей кровати голая, умоляя принять её невинность. Но для меня это всегда было под запретом. Я никогда не портил девушек. Она понимала, что видит меня в последний раз, плакала, чуть ли не на коленях просила оставить ей на память этот подарок. Наутро я отправил

её из своей комнаты в прежнем, нетронutom виде.

— Но вы её ужасно обидели! — вырвалось у меня. — Наверняка быть вот так вот отвергнутой — ужасная рана.

— Она потом мне в этом как раз призналась.

— Вы её встретили?

— Через двадцать семь лет в московском метро. Еду в вагоне, а напротив меня сидит грузная такая, побитая жизнью незнакомая женщина, смотрит на меня не отрываясь и плачет. Слезы текут ручьями. Потом поезд остановился, она поднялась. Мне тоже нужно было выходить. Мы пошли друг за другом в одну сторону, к эскалатору. Двинулись через ступеньку, рядом: она выше, а я за ней. И тут она оборачивается и молча обнимает меня. Так мы до самого верха и простояли.

— Это была Маша?

— Да, по сравнению со мной она очень сильно изменилась. Мы завернули в кофейню и долго болтали. Она рассказала, что стала встречаться со своим женихом, и тот меня ненавидел. Пока не обнаружил после свадьбы, что жена девственница. Он же был, как и все, уверен, что я с ней гулял. Зауважал меня за сбережённую

невесту. Поминал, оказывается, добрым словом. Но жизнь у Маши сложилась нехорошо. Ни любви, ни радостей. Тяжёлая работа, хозяйство. Муж запил. А вот если бы у бедняжки была та ночь, если бы я тогда поддался, она, кто знает, была бы счастливее.

Пока я слушала старика и ела, мне думалось, что он, конечно, преувеличивает. Пускает пыль в глаза. Что, кстати, довольно странно, учитывая его роль дедушки-свата. И где же, в конце концов, внук или племянник? Но никто не появился.

— Сколько вам лет? — спросил вдруг старик.

— Двадцать пять.

— Очень жаль, очень жаль, — он изменился в лице, опуская глаза в тарелку. — Я хотел познакомиться вас с внуком, но вы старше него.

Я ощутила едкую досаду не то на неделикатного старика, не то на брата, который не прояснил эту деталь гораздо раньше.

— И вообще, внук давно живёт с подружкой. Мне это не нравится, вот я и решил вмешаться. Но вы, к сожалению, на целых два года его старше. Засиделись в девушках.

Когда я на следующий день рассказала об этом брату, тот и сам на меня напустился:

– Конечно, он прав! Скоро на тебя никто не посмотрит!

– Не надо копировать свою маму, – вмешалась Люся.

Люся – это русская жена брата, отчего мои родители до сих пор на нервах. Перед свадьбой до самого последнего момента выжидали, не рассылали приглашения – вдруг сын передумает. Маме всё время чудится, что от чужих женщин добра не жди. Что её любимого сына бросят, облапошат, высосут из него кровь, вытянут жилы. К тому же Люся никак не рожала. Они с братом объездили всевозможных врачей, те хором твердили, что оба супруга в совершенном порядке, но забеременеть Люся всё равно не могла. Папина мама, моя бабушка, звонившая по этому поводу из нашего посёлка, заключила, что царя небесного нужно как-нибудь умиловить, съездить за амулетом-сабабом* к шейху и тогда, может быть, он сообразовит. Брат только посмеялся.

* От *афаб*. «причина». Талисман, обычно в виде кожаного треугольника со шитыми внутрь аятом из Корана и вольной молитвой, написанной на листочке духовным лицом. Ношение сабабов осуждается салафитами как проявление многобожия и неверия.